

Прогулка под ледяным ветром накануне вечером не прошла для Хэ И даром. Уже наутро он пожинал горькие плоды своего легкомыслия: человек с отменным здоровьем, почти никогда не знавший хворей, он умудрился подхватить банальную простуду.

Проснулся он позже обычного. С трудом оторвав от подушки гудящую от усталости голову, Хэ И наспех отыскал в аптечке несколько таблеток, проглотил их и поспешил на работу.

Стоило ему спуститься во двор, как дорогу преградила тётушка Чжан, как раз возвращавшаяся с утренней разминки. Разумеется, упустить шанс расспросить его о вчерашнем свидании вслепую она не могла.

— Да куда там, — отмахнулся Хэ И. — Парнишка-то завидный, спору нет, только занятой по уши. Я вчера чуть всю сделку ему не сорвал. Хорошо, если врагами не остались, а уж о свадьбе и думать нечего.

Он лукаво прищурился и добавил с улыбкой:

— Но вы не переживайте. Его тётушка ведь не станет отыгрываться на вас за карточным столом?

Тётушка Чжан возмущённо округлила глаза:

— Она? Да когда это она у меня выигрывала! — Но тут же осеклась, заподозрив неладное. — Погоди-ка. У вас же свидание было, при чём тут вообще дела?

Хэ И предпочёл пропустить вопрос мимо ушей. Демонстративно глянув на часы, он ахнул:

— Ой, беда! Опаздываю!

— Опять без завтрака убегаешь? — крикнула она вслед.

— Перекушу по дороге!

— А ну стой! — Тётушка Чжан цепко ухватила его за рукав и юркнула в подъезд. Спустя мгновение она вернулась, держа в руках холщовую сумку. — Держи, я заранее всё приготовила. Тут термос с мультизлаковой кашей и бутылочка грушевого сока — осень на дворе, горло побережь надо! Ты сегодня не на дежурстве? Возвращайся пораньше, лепить пельмени будем.

У Хэ И как раз немилосердно першило в горле. Благодарно кивнув, он забрал сумку и, рассыпаясь в любезностях, поспешил дальше.

В больнице день с самого утра не задался: привычная суэта щедро сдобрилась чередой мелких неурядиц.

Первым пунктом в плане Хэ И значилась операция пожилого профессора с тяжёлой формой апноэ во сне. Начало назначили на половину девятого, однако когда хирург, завершив утренний обход, вошёл в операционную, пациента только-только завезли. О наркозе и речи пока не шло.

Хэ И нахмурился и обратился к дежурной медсестре:

— Почему так поздно?

— Ой, доктор Хэ, и не спрашивайте, — вполголоса отозвалась та. — Мы когда утром в палату поднялись, там настоящая бойня шла. Родственники из-за завещания чуть друг другу глотки не перегрызли, пришлось охрану вызывать.

В стенах больниц насмотришься на всякое. В реанимациях многопрофильных стационаров делёж наследства у постели умирающего — обычное дело. Однако они-то находились в стоматологической больнице. Профессор шёл на плановое вмешательство, результаты анализов были отличными. Предстояло выполнить двухчелюстное горизонтальное выдвижение в сочетании с гениопластикой. Риск, конечно, присутствовал, но минимальный.

Хэ И лишь покачал головой, чувствуя глухое раздражение от алчности родственников. Глянув на часы, он понял, что придётся подождать, и со вздохом заметил:

— Неужели нельзя было дождаться завтрашнего дня, когда его переведут в палату? Его дочка вроде всегда казалась такой заботливой...

— Дочка? — Медсестра не сдержала смешка и заговорщически прошептала: — Доктор Хэ, вы про ту молоденькую барышню? Так это его супруга.

Хэ И лишился дара речи.

— Старик времени зря не терял — это уже его третий брак. А буянили сегодня дети от первых двух жён. Там младшему отпрыску больше лет, чем новоиспечённой мачехе. Бедняжка пикнуть не смеет. — Медсестра фыркнула. — Да уж, профессор у нас... орёл. В такие-то лета.

Тут она спохватилась, вспомнив, что Хэ И обычно терпеть не может сплетничать и никогда не поддерживает подобные разговоры. Она украдкой глянула на него, ожидая сурового взгляда.

Однако Хэ И, опустив ресницы, спокойно натягивал стерильные перчатки.

— Что ж, — негромко обронил он. — Каждый получает то, к чему стремился.

Медсестра ошеломлённо уставилась на него.

Операция продлилась два с половиной часа.

Когда пришёл черёд выдвижения верхней челюсти, Хэ И скользнул взглядом по лицу спящего под глубоким наркозом пациента. В этот миг перед глазами невольно возник образ директора Ми.

Ми Чжунцзюнь был его биологическим отцом. Такой же амбициозный, успешный, перспективный — уже в сорок лет он возглавил Центральную городскую больницу.

В детстве Хэ И почти не видел отца и списывал всё на его вечную занятость. Лишь после смерти матери горькая правда выплыла наружу: оказалось, этот образцовый родитель воспитывал ещё одного ребёнка.

Мальчик по имени Ми Лу был всего на год младше Хэ И. Ми Чжунцзюнь нашёл его на стороне, закрутив роман с медсестрой прямо в разгар беременности законной супруги.

Мать Хэ занимала должность заведующей отделением в Провинциальной больнице охраны материнства и детства. И умом, и профессионализмом она превосходила соперницу на голову, но у неё не было той вкрадчивой мягкости, того умения угождать и потакать мужскому самолюбию. Ми Чжунцзюнь рассудил практично: на жену он взвалил быт и заботу о престарелых родителях, а деньги, ласку и всё свободное время унёс в чужое гнездо.

Маленький Хэ И ютился в старом муниципальном доме, ходил в самый обычный детский сад у дороги, а затем и в школу неподалёку. После уроков его никто не забирал — он часами просиживал на крыльце, дожидаясь, пока опустятся сумерки.

Ми Лу же с пелёнок купался в роскоши: элитный частный садик, закрытая школа, личная няня, готовая забрать по первому зову, и любящая мать, посвящавшая ему каждый вечер.

У Хэ И почти не водилось карманных денег, а новые вещи покупались лишь тогда, когда старые трещали по швам. Окружающие на все лады расхваливали директора Ми за редкую скромность и кристальную честность.

Тем временем Ми Лу щеголял в брендовых вещах, живя на широкую ногу, словно маленький принц.

Грязная тайна образцового чиновника раскрылась, когда обоим мальчикам пришло время переходить на новую ступень обучения.

Ми Чжунцзюнь настоял, чтобы Хэ И шёл в среднюю школу по прописке. Уровень образования там оставлял желать лучшего, зато учебное заведение находилось в двух шагах от дома, и возиться с проводами не требовалось. К тому же перед коллегами можно было щегольнуть принципиальностью: дескать, связями ради семьи не пользуюсь.

Но стоило уладить этот вопрос, как любовница напомнила ему, что Ми Лу на следующий год тоже оканчивает начальные классы. Она спала и видела сына в престижной Средней школе зарубежных китайцев, славившейся сильным языковым уклоном. Вот только способностей Ми Лу для поступления явно не хватало, а платные места разлетались как горячие пирожки.

Тут отцовская принципиальность испарилась. Прямо посреди хмельного застолья он набрал номер завуча Средней школы зарубежных китайцев и потребовал придержать для его отпрыска дефицитное место.

Завуч, не подозревая о двойной жизни директора, решил, что речь идёт о Хэ И — ведь по возрасту всё сходилось. На следующий же день он связался с матерью мальчика, чтобы обсудить детали.

Мать Хэ только-только вышла из операционной, где несколько часов боролась за жизнь роженицы с обильным кровотечением. Изнурённая до предела, она выслушала поздравления коллеги, и эти слова обрушились на неё громом среди ясного неба.

Она мгновенно поняла: за её спиной творится нечто гнусное.

Выяснение отношений, горькое признание, неминуемый разрыв — бракоразводный процесс затянулся, выматывая душу.

Мать Хэ была непреклонна в своём желании развестись. Однако Ми Чжунцзюня только утвердили в должности главного врача, и скандал мог поставить крест на его блестящей карьере. Он ползал перед женой на коленях, умолял о пощаде и клялся немедленно порвать с любовницей.

Родственники с обеих сторон, верные старым традициям, дружным хором советовали сохранить семью. Ну зачем рубить с плеча? Ведь подрастает такой послушный, тихий мальчик, каково ему будет без отца?

Пока несчастная женщина колебалась, на сцене появилась мать Ми Лу.

Бывшая медсестра из VIP-отделения, годами благоденствовавшая на правах содержанки в роскошном коттедже, принялась осаждать Провинциальную больницу. Она останавливала

каждого встречного в коридорах, со слезами на глазах уверяя, что Мать Хэ оклеветала её, разрушила её репутацию и лишила работы.

Когда обманутая жена наотрез отказалась выслушивать эти бредни, наглая девица выследила маленького Хэ И у школы. Прямо на глазах у одноклассников она вцепилась в плечи перепуганного ребёнка и запричитала:

— Сяо И, умоляю тебя, попроси маму пощадить меня! Мне ведь тоже нужно на что-то кормить сына!

Хэ И до сих пор содрогался при мысли о том, через какой ад пришлось пройти его матери в те недели.

Сохранить брак — значит покориться воле предателя. Развестись — преподнести сопернице долгожданный подарок на блюде. Но выходка любовницы у ворот школы переполнила чашу терпения. Вне себя от ярости, мать Хэ согласилась на очную ставку.

В тот же день её сердце не выдержало. Прямо во время сложной операции у неё случился обширный инфаркт, и она скончалась на месте.

В одиннадцать лет Хэ И лишился матери, а уже через год фактически остался круглым сиротой. Директор Ми, успешно похоронив жену и расчистив путь к карьерным вершинам, пошёл на повышение. Его перевели в Бэйчэн как ценного специалиста, что ознаменовало его триумфальное восхождение на новую ступень социальной лестницы.

Разумеется, новоявленная супруга с сыном последовали за ним. В Бэйчэне они наконец узаконили отношения, с лёгкостью влились в местный бомонд и зажили счастливой, благополучной жизнью, вызывая зависть у обывателей.

Когда Хэ И впервые столкнулся лицом к лицу с единокровным братом, Хэ Яньчжэнь представил его без тени смущения:

— Это сын дяди Ми. Дядя Ми у нас в больнице — эталонный отец, во всём примерный.

Палящие лучи летнего солнца резали глаза до слёз, но голос Хэ И звучал пугающе ровно.

В упор глядя на самодовольного Ми Лу, он процедил:

— Примерный? Слышал я о его достоинствах. Известный любитель выпить, прибрать к рукам чужие деньги и приударить за чужими юбками. Интересно, к чему ещё питает слабость твой замечательный папаша?

Из-за утренней задержки Хэ И освободился лишь к полудню.

В ординаторской никого не было. Он послушно допил остывший грушевый сок, но аппетит так и не появился, поэтому он просто откинулся на спинку кресла, пытаясь хоть немного перевести дух.

Когда раздался деликатный стук в дверь, Хэ И сладко спал, закинув ноги на рабочий стол и слегка приоткрыв рот от усталости.

— Вы к кому? — поинтересовался вернувшийся коллега, с любопытством оглядывая статного незнакомца у входа.

Хэ И зевнул, сощурился на свет и мгновенно стряхнул остатки сна.

— Ты как здесь оказался? — Он нехотя опустил ноги на пол, но вставать навстречу гостю не спешил. — Кто сегодня на посту у медсестёр? С каких пор в ординаторскую пускают всех подряд?

— Я представился твоим близким родственником. Сказал, что принёс обед, — невозмутимо парировал Хэ Яньчжэнь. Повернувшись к вошедшему доктору, он вежливо улыбнулся и протянул ему нарядную коробочку: — Добрый день. Угощайтесь, это наши свадебные сладости.

Хэ И лишился дара речи.

— Свадебные? — Коллега округлил глаза и уставился на Хэ И: — Ну ты даёшь, дружище! Вот так тихушник! Когда успел-то? Хоть бы словом обмолвился! Ну, колись, кто твой избранник?

Упаковка была оформлена со вкусом: в элегантной оранжевой коробке красовались изысканное печенье, дорогой шоколад, нежное суфле и конфеты — идеальный набор, чтобы быстро восстановить силы после изнурительной операции. На памяти врача это было самое щедрое свадебное угощение из всех, что ему доводилось видеть.

Лицо Хэ И потемнело от гнева.

— Это недоразумение! Ты всё не так понял! — поспешно попытался оправдаться он.

— Это не в честь регистрации брака, — опередил его Хэ Яньчжэнь. — Торжество ещё впереди, а этот скромный презент — по другому радостному поводу. Но суть одна, делимся счастьем с коллегами! — С этими словами он принялся методично раскладывать яркие свёртки по рабочим столам.

Хэ И гневно свёл брови, его тон стал ледяным:

— Господин Хэ, о каких это радостных новостях в моей жизни вы говорите?

Почуяв, что атмосфера накаляется, коллега деликатно кашлянул. Оценив грозный вид Хэ И и виноватую улыбку холёного красавца — который, несмотря на всю свою статью, сейчас выглядел как провинившийся школьник перед строгим учителем — он поспешил ретироваться под предлогом того, что ему нужно набрать воды.

Стоило двери захлопнуться, как Хэ Яньчжэнь сделал шаг вперёд и заглянул Хэ И в глаза:

— Самое настоящее радостное событие. Разве я когда-нибудь обманывал тебя?

— Неужели мой дражайший папаша наконец отдал концы? Или младшенький братец шею сломал? — ядовито усмехнулся Хэ И.

— Ну, до этого пока не дошло, — Хэ Яньчжэнь вытащил из портфеля плотный бумажный конверт. Его взгляд потеплел. — Мама тогда наговорила тебе лишнего из-за глупого недоразумения, она и сама потом локти кусала... Знаешь, когда я только вернулся в страну, то сразу разузнал, где ты проходишь ординатуру. Я даже взял талон на приём к тебе, но в последний момент передумал. Решил, что это глупо, и ушёл.

Хэ И сжал пальцами шершавый край конверта и тяжело вздохнул:

— Сейчас всё это кажется не менее глупым.

— Сначала загляни внутрь, — мягко настаивал Хэ Яньчжэнь.

— Доктор Хэ! — В дверь вихрем влетела запыхавшаяся медсестра. — Доктор Хэ, срочно в приёмный покой! Нужна экстренная реанимация!

Хэ И мгновенно подобрался, отложил конверт и бросился к выходу.

— Где Юй Тянь? Он же дежурит на скорой!

— Он не справляется, уже вызвал заведующего, — на ходу тараторила медсестра, пытаясь не отставать. — Тяжёлое ДТП прямо у наших ворот. Прохожие на руках занесли пострадавших.

Хэ Яньчжэнь без лишних слов последовал за ними.

Ворвавшись в операционную приёмного покоя, Хэ И начисто забыл о спутнике. На каталках

покоились двое окровавленных мужчин. У одного из них голова была безжизненно закинута набок, а изо рта зловеще высывался запавший язык.

Возле второго метался бледный как полотно Юй Тянь с интубационной трубкой в руках:

— Доктор Хэ! У больного тяжелейшая сочетанная травма лица, нарастает асфиксия, он без сознания. Из-за сильного отёка корня языка заинтубировать не удаётся. Я вызвал заведующего...

Лоб ординатора блестел от пота, пальцы судорожно сжимали пластиковый проводник, в глазах плескался страх.

— Отойди, — скомандовал Хэ И. Быстро оценив показатели на мониторе, он повернулся к медсестре: — Обработать операционное поле. Готовим экстренную трахеотомию.

Юй Тянь растерянно попятился, освобождая место.

— Куда назад сдаёшь? — резко осадил его Хэ И. — Вставай на ассистенцию, держи крючки.

Облачившись в стерильные перчатки и маску, он склонился над пациентом. Юй Тянь сделал глубокий вдох, стараясь унять дрожь в руках, и послушно занял своё место. Спокойная уверенность старшего коллеги подействовала на него мгновенно.

Трахеотомия — базовая реанимационная процедура, но для молодого интерна, чьи практические навыки пока безнадёжно отставали от блестящей теоретической базы, любое малейшее осложнение превращалось в непреодолимое препятствие. Страх совершить фатальную ошибку сковывал движения, заставляя пасовать и звать на помощь старших коллег.

Ситуацию усугубляло то, что пострадавший страдал выраженным ожирением. Найти трахею под плотным слоем жировой клетчатки на короткой шее было трудной задачей.

Юй Тянь до сих пор помнил, как во время учёбы его куратор пытался провести аналогичное вмешательство. Тогда после первого же надреза у больного начался тяжелейший ларингоспазм, он стал задыхаться и биться в агонии. Пришлось экстренно подключать аппарат искусственной вентиляции лёгких и откладывать манипуляцию.

Тот давний кошмар прочно засел в памяти молодого врача, лишая его уверенности в критические секунды.

Хэ И был старше его всего на пару лет, но держался так спокойно и властно, словно за плечами у него были десятилетия безупречной практики. Юй Тянь затаил дыхание, боясь упустить малейшую деталь.

— Смотри внимательно, — негромко комментировал Хэ И, плавно ведя скальпелем. — Если наткнёшься на поперечную ветвь передней яремной вены, немедленно пережимай и лигируй, иначе захлебнёшься в крови. Обрати внимание на проекцию перешейка щитовидной железы... Если он расположен аномально низко, обходи его сверху. Улавливаешь?

Движения хирурга поражали своей филигранной точностью и скоростью, но говорил он при этом ровно и мягко, уберегая ассистента от паники.

Ординатор жадно ловил каждое слово, судорожно кивая.

— Готовь расширитель трахеи, — скомандовал Хэ И. Сконцентрировав взгляд, он точным движением ввёл изогнутое лезвие под нижний край хрящевого кольца. — Помни: глубина вкола должна быть минимальной. При кашлевом рефлекс задняя стенка трахеи подаётся вперёд — одно неверное движение, и ты получишь трахеопищеводный свищ.

Вся процедура заняла от силы пару минут.

Юй Тянь стоял как громом поражённый. Ювелирная точность движений Хэ И казалась чем-то нереальным.

Конечно, опытные хирурги щёлкали такие операции как орехи. Но старожилы отделения шептались, что Хэ И творит настоящие чудеса и на сложнейших реконструктивных вмешательствах — будь то исправление расщелины нёба или сложнейшая остеотомия челюстей. Он не просто оперировал с виртуозной лёгкостью, он умудрялся на лету объяснять сложнейшие нюансы!

Это был прирождённый наставник.

— Доктор Хэ, возьмите меня в ученики! — взмолился ординатор, глядя на него преданными глазами. — Разрешите мне ассистировать вам на плановых операциях? Заведующий обмолвился, что вам вот-возле дадут звание доцента и назначат куратором. Вам же понадобятся помощники? Возьмите меня, не пожалеете!

— Не болтай глупостей, давай сначала дождёмся приказа, — с улыбкой осадил его Хэ И и вышел из операционной. Хэ Яньчжэня в коридоре уже не было.

Лишь в сумерках, собираясь домой и забирая оставленную холщовую сумку с кашей, Хэ И вспомнил про загадочный конверт на столе. Сгорая от любопытства, он надорвал плотную бумагу, заглянул внутрь и застыл на месте.

На ладонь выскользнула копия официального судебного вердикта.

«Подсудимый Ми Чжунцзюнь, мужского пола, дата рождения... признан виновным в

совершении преступления, предусмотренного статьёй о получении взятки в особо крупном размере... заключён под стражу Управлением общественной безопасности района X города Бэйчэн...»

В ушах Хэ И оглушительно зазвенело. Пропустив бесконечный перечень коррупционных эпизодов, собиравшихся годами, он лихорадочно перелистнул документ в самый конец.

«...приговорить к одиннадцати годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии строгого режима и штрафу в размере двух миллионов четырёрхсот тысяч юаней...»

Заветная мечта, казавшаяся несбыточной, внезапно воплотилась в реальность. Строчки расплывались перед глазами, Хэ И с изумлением обнаружил, что его пальцы мелко дрожат. Сделав глубокий вдох, он попытался унять бешено колотящееся сердце и вытащил из конверта следующий лист.

Перед ним лежало заявление о коррупции.

Когда-то давно Хэ И уже составлял подобную бумагу, но Хэ Яньчжэнь тогда забрал её. Он уверял, что хочет уберечь Хэ И от грязи, подарить ему спокойную, тихую жизнь, бесконечно далёкую от мести и мрака прошлого.

Хэ И вырос в этой беспросветной тьме и знал, что никогда не сможет до конца отпустить старые обиды. Но его любовь к Хэ Яньчжэню была настолько сильна, что он уступил.

Тогда Хэ Яньчжэнь запер злополучный донос в сейфе.

Однако на этом листе в графе «Заявитель» чётким почерком было выведено имя самого Хэ Яньчжэня, а следом указаны его паспортные данные, адрес и номер телефона.

Собранное досье поражало своей полнотой и скрупулёзностью: финансовые отчёты, детализация звонков, переписки с поставщиками медицинского оборудования и фармацевтическими гигантами — лазеек для Ми Чжунцзюня просто не оставалось.

Угасающее солнце заливало комнату густым багровым светом, расцвечивая рабочий стол оранжевыми бликами.

Дрожащими руками Хэ И развернул заявление. К верхнему краю листа была приколота яркая неоновая наклейка.

Она была исписана размашистым, уверенным почерком Хэ Яньчжэня:

«Хэ И, ты согласился оставить тьму ради меня. Но ради тебя я готов сам взять в руки оружие и

спуститься в бездну».

Пять лет назад Ми Лу со злорадной улыбкой бросил ему в лицо:

— Яньчжэнь вчера весь вечер провел у меня. Хэ И, твоя мать была ничтожеством, и ты такой же. Смирись, ты прирождённый неудачник.

Тогда Хэ И без лишних слов повалил мерзавца на пол и принялся остервенело избивать, целясь исключительно в холёное лицо.

Хэ Яньчжэнь едва сумел оттащить его. Схватив за запястья, он с тревогой и злостью закричал:

— Ты с ума сошёл? О руках подумал? Ты же хирург! — А затем добавил: — У него челюсть сломана.

— Так ему и надо! — сквозь зубы процедил тогда Хэ И. — Пусть до конца жизни кашей питается, ублюдок.

В тот день он казался себе жестоким и нелепым, а вернувшись домой, забился в угол и разрыдался от бессилия и всепоглощающей обиды.

Миновало долгих пять лет... И теперь, оглядываясь назад, он понимал, что бывшие кошмары растаяли, уступив место утренней тишине.

<http://bllate.org/book/19702/1950719>